

Конечно, глупо было тащиться на дачу в такое время. Я поняла это, когда начался дождь. Накрапывать стало, как только я выехала из города. Небо серое, мутное, я в машине поежилась и включила печку, тогда и подумала: «Кой черт я туда еду?» Можно было вернуться. Честно говоря, вернуться очень хотелось. Выпить чаю и лечь в теплую постель. И наплевать на Димку, пусть говорит что угодно. Если бы у меня ума было побольше, так бы и сделала, но, видно, Бог обидел меня разумом, зато упрямством наградил ослиным, и я продолжала ехать вперед, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом. А дождь потихоньку разошелся и где-то на полдороге перешел в тропический ливень. Теперь моя затея выглядела просто дурацкой.

Дача находилась в глухой деревушке, в со-рока пяти километрах от города, причем из

этих сорока пяти километра три надо было пилить по проселочной дороге. Я представила, что там сейчас творится, и всерьез засомневалась: удастся ли мне сегодня заночевать под крышей. Да если и доберусь, радость небольшая: в доме холодно, сыро. Можно, конечно, податься к соседке, тете Кате, она будет рада. Выпить чаю из самовара, потом забраться на печку и слушать дождь за окном. Я взглянула на часы: девять. Если дорогу не размыло, через полчаса буду в деревне, тетя Катя смотрит телевизор до десяти.

Тут с «дворниками» что-то случилось, я чертыхнулась, пощелкала включателем, «дворники» заработали, но как-то подозрительно неритмично. Мне опять захотелось вернуться. Не обязательно домой, можно к папе. Я вздохнула. Конечно, придется объяснять, почему явилась на ночь глядя. Папа расстроится. Димку он терпеть не мог, хотя от меня это скрывал. Однако на прошлой неделе папа не выдержал и после очередной нашей с Димкой ссоры сердито заявил: «Я твоему мужу морду набью», — что было на моего отца совершенно не похоже.

Надо признать: с Димкой мы жили плохо. Выходить за него замуж мне не следовало, хотя, если разобраться, не последнюю роль в этом браке сыграл отец.

Отца я всегда очень любила. Мама вечно была занята в школе: сначала учительницей, потом завучем, а затем и директором. Может, она и в самом деле была замечательным педагогом, но на меня у нее времени не хватало. Сколько помню себя, мама приходила домой усталой, падала на диван и говорила: «У меня сил осталось — еле-еле телевизор посмотреть». Зато у отца для меня всегда было время: и на рыбалку с собой возьмет, и на лыжную прогулку, а на концерте в музыкальной школе он всегда сидел в первом ряду: огромный, веселый, добрый.

Вообще, детство у меня было счастливым. До восьмого класса. Когда я перешла в восьмой, отца посадили. Трудно объяснить, что я пережила тогда. Было это чудовишно, в особенности то, что мама сразу же развелась с отцом. Она кричала: «Жулик, воруга бессовестный, опозорил семью, пусть сгниет в тюрьме!» Для меня отец стал страдальцем и

едва ли не героем, что-то среднее между Робин Гудом и Котовским. Я писала ему длинные письма, ждала почтальона, ревела, если ящик оказывался пустым, и целовала конверт, подписанный отцовской рукой. Мне было наплевать, что о нем говорят другие, я-то знала: он лучше всех.

Маму все это злило чрезвычайно, очень скоро начались скандалы, в которые охотно вступал отчим (мама через полгода после ареста отца вышла замуж), потом у меня появился брат, в общем, в восемнадцать лет я оказалась в квартире отчима, предоставленная самой себе. Я училась в институте, по вечерам мыла полы в поликлинике, откладывала каждую копейку и с нетерпением ждала, когда вернется отец. Наконец этот день настал.

Я поехала встречать отца. Перед этим неделю бегала по магазинам и выбирала ему одежду — на это ушли почти все мои сбережения. Я и помыслить не могла, что он появится в городе в чем-то старом или, спаси бог, в тюремном. Боялась, что в этом случае он будет чувствовать себя неловко. Как толь-

ко я его увидела, все это мне показалось страшной чепухой: отец мог быть одет во что угодно, хоть в полосатую робу, он все равно оставался самим собой. Он был лучше всех.

— Пап, — заревела я, а он подхватил меня на руки, целовал, смеялся как сумасшедший и нес на согнутом локте, как в детстве, пока я, пряча лицо на его груди, не попросила, шалея от счастья: — Отпусти.

— Здравствуй, Мальвинка, — сказал он. Вообще-то меня Машкой зовут, но отцу больше нравится так.

И стали мы жить вдвоем. Это время было самым счастливым в моей жизни, хотя сначала возникло много проблем: отцу трудно было устроиться на работу, соседи злословили, да мало ли всего... Главное, мы были вместе. Отец был счастлив, я это видела, чувствовала и порхала, словно на крыльях.

— Слушай, — сказал он однажды. — Не пора ли тебе замуж?

— Избавиться от меня хочешь, сбить с рук?

— Нет, котенок, не хочу. По мне, век бы так жить, только молодой девушке нужен

возлюбленный, а у тебя что? Женька, Игорь, телефон целый день трещит, а в кино табуном идете.

— Игорь мне нравится, — сказала я.

— Тащи сюда, я на него посмотрю.

Папа посмотрел и добродушно изрек:

— Неплохой парнишка, только...

Этого «только» как раз хватило на то, чтобы Игорь потерял для меня всякую ценность. В парнях у меня недостатка не было, но как-то так всегда выходило, что рядом с отцом они выглядели невзрачно. А время шло. Институт был позади, на работе поначалу мужчины на меня охотно поглядывали, но и им это вскоре надоело, папа тревожился, и я, вдруг испугавшись, твердо решила выйти замуж за первого приличного парня, рискнувшего сделать мне предложение.

Тут и подвернулся Димка. Был он самым стойким моим поклонником, еще с третьего класса. Мы вместе учились в школе, потом в институте. Он предложил, и я согласилась. Папа сказал:

— Вот и хорошо. — Но счастья в его глазах не было, как не стало счастья и в моей

жизни. Наше с Димкой супружество не задалось с самого начала. И камнем преткновения стал мой отец.

— Откуда у него деньги? — начинал Димка бесконечный монолог. — Допляшется, опять сядет. Ты хоть знаешь, чем он занимается, этот твой Павел Сергеевич?

Тут меня обычно прорывало:

— Он не мой Павел Сергеевич, он мой отец, чтоб ты знал.

Больше всего меня злило, что от отцовских денег Димка не отказывался. Двухкомнатную квартиру нам купил отец, и обстановку, и машину, и даже гараж. Димка воспринимал это как должное, но отца иначе как бандитом не называл.

Уже сколько раз я всерьез думала о разводе. Ссорились мы все чаще, слова, произносимые при этом, становились все обиднее, пока три недели назад Димка в бешенстве не дал мне пощечину. Что-то во мне разом оборвалось. Я уехала к отцу, плакала, хотя сказать правду постеснялась, отец сидел хмурый, непривычно молчаливый, а потом заявил:

— Я твоему мужу морду набью.

На следующий день Димка встретил меня с работы, просил прощения, даже плакал. Я простила, но за эту пощечину перестала его уважать. Стал он для меня кем-то вроде капризного ребенка: и утомительно с ним, и жалко.

Несколько дней Димка держался, скандалы вроде бы прекратились, только ненадолго. Сегодняшний вспыхнул из-за Юльки. Юлька, подруга отца, была старше меня на три года, мы с ней сразу подружились, а потом и вовсе стали закадычными подругами. Отца она очень любила, уже год они жили вместе, и ничего плохого я в этом не видела. Димку же это злило чрезвычайно. Юльку он и за глаза и в глаза иначе как содержанкой не называл, на что она неизменно отвечала: «Лучше быть содержанкой Павла Сергеевича, чем женой такого осла, как ты». Димка выходил из себя, а Юлька смеялась.

Ко всем моим несчастьям прибавилось еще одно: меня «сократили» на работе. Работник я, по моему собственному мнению, была неплохой, а потому было вдвойне обид-

но. Вызвал меня начальник, горестно вздохнул и сказал:

— Машенька, пойми правильно: у Светки двое детей, Ольга с ребенком без мужа, Нине Сергеевне четыре года до пенсии, а сокращать кого-то надо. Ты у нас не бедствуешь, детей у тебя нет, что прикажешь делать?

Пришла домой, реву от обиды, а Димка мне:

— Теперь домохозяйкой станешь? Бассейн, шейпинг, сауна с Юленькой на пару.

Я хлопнула дверь — и к отцу. Папа меня обнял, Юлька заварила чай, и мы втроем повозмущались всеобщей несправедливостью. Потом папа сказал:

— Не переживай. Найдем работу. Я поспрашиваю. Не торопясь подыщем что-нибудь путное. О деньгах не думай.

— Меня Димка со свету сживет, — мрачно предположила я.

— Твой Димка пусть лучше начнет деньги зарабатывать, а потом уж со свету сживать, — сказала Юлька. — Что хочешь говори, а парень он никчемный.

— Перестань, — перебил папа. Юлька за-

молчала, но чувствовалось, что она много чего еще хотела сказать в Димкин адрес.

Муж приехал за мной часов в девять, в квартиру не вошел и вообще вел себя по-дурачки.

— Останься, — шепнула мне Юлька, но я покачала головой. Папа стоял в дверях и смотрел на нас, лицо у него было сердитое.

Потому сегодня я к ним и не поехала. Что отца лишний раз расстраивать? Не по душе ему было мое замужество. Первые месяцы после свадьбы он шутил:

— Когда меня дедом сделаешь? — А теперь спрашивал, едва ли не со страхом: — Ты не беременна? — И облегченно вздыхал, услышав «нет».

Долго такая жизнь продолжаться не могла, даже Димка это чувствовал, но остановиться уже не мог. О чем бы мы ни говорили, все неизменно сводилось к одному: твой папаша — уголовник. Иногда я с ужасом ловила себя на мысли, что совершенно серьезно желаю Димке провалиться к чертовой матери.

Впрочем, сейчас он не казался мне таким уж скверным мужем. Я стала вспоминать его

положительные качества, вновь подумала о проселочной дороге, по которой предстояло проехать на моих «Жигулях», и тоскливо вглядывалась в сумрак хмурого апрельского вечера. Дорога шла через лес, высокие сосны выглядели мрачно, и я всерьез подумала вернуться, вот тут-то машина и заглохла. Промучившись минут десять, я с тоской поняла, что заводиться она не собирается. Такое случилось и раньше, только не в дождь, в лесу, на дороге, где и днем движение не бог весть какое, а вечером и вовсе ни души. Обычно всегда находились помощники, однако сегодня на них рассчитывать не приходилось. Я включила приемник, прослушала пару песенок, утешая себя тем, что кто-нибудь все равно поедет мимо и поможет.

К одиннадцати я стала свыкаться с мыслью, что заночевать придется здесь. Ночи холодные, до ближайшего села километров восемь, да и кто меня пустит в такое время? Чертыхнувшись, я вышла из машины и подняла капот. Дождь лил как из ведра, и я сразу промокла. Под капотом не было ничего интересного, единственное, что я могла, —

проверить клеммы на аккумуляторе, что я и сделала, само собой, без всякой надежды на успех.

Из-за дождя я не услышала шагов и, скорее даже не увидев, а почувствовав присутствие человека, подняла голову и замерла с открытым ртом: рядом стоял здоровенный детина в куртке с капюшоном. Лица его в темноте я не разглядела, но было в этом появлении что-то настолько зловещее, что сердце мое жалко екнуло и куда-то провалилось. Полминуты мы стояли молча, не двигаясь. Руки он держал в карманах: ни сумки, ни удочки — ничего, что указывало бы на то, что может делать человек в это время на пустынной дороге в лесу.

— Ну, что там? — спросил он. Голос низкий, неприятный. Я дернулась и глупо сказала:

— Не знаю.

— Дай посмотрю.

Он сунул голову под капот, а я замерла рядом, вглядываясь в темноту с надеждой, что сверкнут фары и появится машина. От хлопка капота я едва не подпрыгнула.

Он зашел с правой стороны, открыл дверь,

согнувшись чуть ли не пополам, сунул мощные плечи в машину и повернул ключ. Мотор заработал. Я не знала, радоваться этому или нет.

Кажется, он разглядывал меня в темноте, сердце мое вернулось из пяток, но ритмично стучать не спешило.

— Ты куда едешь? — спросил он, опершись на дверь.

— В Гаврилово, то есть не совсем туда, мне сворачивать в сторону, — торопливо ответила я.

— Годится.

Он сел на водительское сиденье и открыл дверь мне.

— Садись. — Пока я пыталась что-то сказать, он хмуро заметил: — Я думал, ты промокла.

Словно в трансе, я села рядом. Зубы у меня стучали так громко, что в другое время я бы засмеялась, только не сейчас. Капюшон он не снял, и лица его я по-прежнему не видела, но и так чувствовала, что человек он опасный. Это ощущение было настолько острым, что я едва сдержалась, чтобы не закрыть и не выпрыгнуть из машины. Он молчал,

и я молчала, искоса разглядывая его. Голосил приемник, а дорога была по-прежнему пустынной. Тут я вспомнила утреннее сообщение по радио о бежавших из тюрьмы троих заключенных и в ужасе уставилась на моего попутчика. Ничего нового я не увидела: кашпошон и серое пятно лица.

— Вы в Гаврилове живете? — стараясь быть спокойной, спросила я.

— Нет.

— Там у вас родственники? — Мне и так было ясно, что никаких родственников у него нет, но я продолжала расспрашивать: звук собственного голоса успокаивал.

— Нет, — опять ответил он.

— А, значит, вы едете дальше?

— Вроде того.

Я сунула руки в карманы, чтобы не видеть, как дрожат пальцы. Если ему нужна машина, он мог уехать сразу... А если это маляк, завезет куда-нибудь... но ведь мы были в лесу, тридцать метров в сторону — и ни одна живая душа не найдет... Господи. Мне стало нехорошо, я приоткрыла окно, стараясь дышать ровнее. Холодные капли падали

на лицо, я закрыла глаза и попыталась молиться.

— Где сворачивать? — спросил он. Я с тоской посмотрела на редкие огни в селе и, запинаясь, сказала:

— Вообще-то, я хотела заехать...

— Сворачивать где? — опять спросил он. Голос звучал грозно.

— Вот здесь, направо, — сказала я, пытаюсь сообразить, чего он хочет. Дорога была вполне сносной, видимо, дождь начался здесь недавно, и вскоре я увидела единственный зажженный в нашей деревне фонарь.

— Здесь? — спросил он.

— Здесь, — торопливо кивнула я и брякнула: — Третий дом.

У тети Кати залаяла собака, а мы затормозили. Он запер машину и сунул ключи в свой карман, я топталась рядом.

— В доме кто? — спросил он. Врать было бессмысленно.

— Никого.

— Местечко класс. Пошли.

Он пошел впереди, я за ним. Конечно, я могла кинуться к соседке и перепугать ее до

смерти или броситься в крайний дом к Семёну Дмитричу, деду, помнившему гражданскую. В семи наших домах было пять жителей, не считая летних дачников, а какие сейчас дачники? Я рассматривала спину перед собой и думала, стараясь себя утешить, что если бы этот тип хотел меня убить, то давно сделал бы это. Мы вошли в дом, я включила свет и затопталась у порога, не зная, чем себя занять.

— Пожрать есть что-нибудь? Собери. И одежду сухую дай, вымок весь.

Я кинулась к шифоньеру искать старые Димкины джинсы и свитер, а потом засуетилась на кухне. От газа и электрокамина в кухне стало тепло, я стащила куртку и аккуратно ее развесила, думая при этом, что мне тоже не мешало бы переодеться, но входить в переднюю я не рискнула и грелась возле плиты. Хлеба не было, зато была картошка, печенье, консервы и чай. Приготовление ужина заняло чуть более получаса. Я собрала на стол, прикрыв кастрюлю с картошкой полотенцем, чтоб остывала медленней.

— Все готово! — отважно крикнула я.

